

Свадебный обряд в с. Крюковке, Чембарского уезда Пензенской губернии

Задумав женить сына, родители посылают в дом невесты сваху. Последняя, явившись в назначенный дом, косвенно приступает к делу: намекает о купце и товаре. При этом невеста уходит на улицу или к соседям. Если родители невесты скажут свахе: «подумаем», то она, явившись в дом жениха, сообщает кратко: «не отказали». После этого жених уже не решается сватать себе другой невесты, хотя бы представлялась гораздо лучшая партия: поступить иначе — значит осмеять невесту. Еще решительнее оканчивается судьба жениха, когда родители невесты передадут чрез сваху, чтобы сватающие приходили к ним с вином. Вечером того же дня родители жениха в сопровождении других своих родственников отправляются в дом невесты для заключения брачных условий, неся с собою заветный полуштоф вина. При первом приходе они принимаются как частные посетители; с заключением же брачных условий на стол постигается скатерть, кладется хлеб и соль, а отец жениха предлагает свой полуштоф вина, за который принимаются не раньше, как после молитвы, для чего предварительно затепливается перед иконою свеча. По уходе сватов, или отца жениха, в избу входит невеста, которая в продолжение этого времени находилась у соседей. Войдя в избу, она подходит к отцу и начинает причитать:

«Родимый мой батюшка!
Чем я тебе досадушку досадила,
Чем я согрубушку согрубила?
За что ты батюшка,
Распрогневался на меня?
Кинулся ты, батюшка,
На стакан вина,
Кинулась моя матушка
На золоту казну.
Стакан вина
На век упрек,
Золота казна —
Горючи слезы».

Если жених не по сердцу невесте, она прибавляет:

«Не выбрал ты, батюшка!
В лесу-леса;
Не выбрала ты, матушка!
В людях-людей».

Но видя, что судьба ее решена, невеста остаток дней до свадьбы проводит в печали; для чего обычное, лучшее свое одеяние переменяет на черное, поношенное платье, в котором и остается до дня свадьбы. В таком положении невесту навещают подруги. Завидя подруг, входящих к ней, она, сидя с понуренною головою, начинает слезно голосить:

«Вы подите ко мне, подруженьки!
Да к моему-то горю, да великому,
К моей тоске, кручинушке:
Не обессудьте мои, подруженьки,
Вольныя голубушки,
Что не встретила я вас
На пути-дороженьке,
Среди двора широкого,
Среди крыльца высокого,
Не за спесью я, не за гордостью,
Я вас не встретила,
А за своим горем великиим».

Видя подруг своих, пользующихся свободою, и страшась подневольной судьбы, которая ожидает ее в будущем, невеста начинает оплакивать пред ними свое житье девичье.

«Свет ты моя воля,
Воля девичья!
Поди-ка ты моя воля
Во чисто поле,
В темные леса,
Гуляй моя воля,
Не загуливайся,
Меня горькую
В чужих людях
Проведывай».

Мысль быть подневольной терзает ее. Считая виновниками такого положения своих родителей, она подходит к отцу, бросается к ногам и голосит:

«Родимый мой, батюшка,
Чем я досадушку тебе досадила,
Чем я согрубушку согрубила?
Что ты сменял меня
На стакан вина.
Не попомни моей досадушки,
Не попомни моей согрубушки!
Досадила я тебе
С глупа разума,
Согрубила тебе
С чужой науки!»

Неизвестность будущего и незнание, как вести себя в чужом доме, волнует душу невесты и заставляет ее обливаться горячими слезами. В кругу своих семьян она ищет себе советника в этом деле, советника опытного, которого и находит в своей снохе. Она обращается к ней с такими причитаниями:

«Любезная невестушка!
Спрошу тебя понадеючи,
А ты скажи пожалеючи,
Как в чужих людях жить,
Как на чужих людей угождать?»

Та, обнимая ее, отвечает:

«Милая моя, сестрицынька,
Верь или не верь моему слову
Оно истинно:
Пойду ль скоро,
Скажут — скороспешка,
Пойду ль тихо,
Скажут — тихошка».

Накануне свадьбы семьяне считают долгом вытопить баню и обмыть невесту, куда идет она в сопровождении своих подруг. По приходе из бани она благодарит своих семьян:

«Спасибо тебе, батюшка,
На сухих дровицах!
Спасибо тебе, матушка,
На пару, на баньке!
Спасибо тебе, братец,
На святой водице!
Спасибо тебе, невестушка,
На шелковом венике».

Вечером, накануне свадьбы, крестный отец жениха, или какой-либо другой родственник едет в дом невесты с подарком от жениха. Привозит шубу, башмаки, теплые сапоги и вообще, что выговорено, или как называют крестьяне «кладку». Невеста, забравшись в угол, с поникшею головою ожидает приезда поезжан. Вот в дверях избы показывается поезжанин, неся в одной руке ведро браги, а в другой подарок невесте. «Здравствуйте, сватушки, ждали ли гостей к себе?» говорит он, не переходя еще порога. «Как не ждать, соскучились ждавши», отвечает отец невесты. Входя в избу, приехавший кладет подарок на стол, а брагу выливает в заранее приготовленное ведро, которое стоит на краю стола. Невеста, завидев входящих гостей, окруженная подругами, начинает причитывать:

«Испугалось мое сердеченко,
Подломились мои резвы ноженьки,
Опустились белы рученьки,
Свалилась моя буйная головушка!»

Отец и мать, видя неуместные слезы дочери при такой радости, которая предстоит им, начинают утешать дочь свою. Невеста умолкает. Засим начинается угощение. Прежде всего угощает хозяев новоприезжий гость: вынув из кармана полуштоф вина и закуску, он обносит всю родню невесты. Затем отец невесты сажает поезжан за стол и предлагает им свое угощение. По выходе из стола поезжанам вручается отдарок от невесты жениху: рубашка, пояс и крест. Проводив гостей, невеста обращается к отцу с причитаниями:

«Что у тебя, батюшка,
За пир, за беседашка,
Или ты, батюшка,
Сына женишь,
Сноху в дом приводишь?
Ты не сына женишь,

Не сноху приводишь,
А свою слугу верную избываешь».

Отец, мать и вся родня жениха отправляются в дом жениха, а девицы-подруги, изредка навещавшие невесту, остаются провести с ней последнюю ночь, приготавливая все нужное к венцу. Темная ночь не усыпляет горестных чувств невесты. Она не смыкает своих очей и первая пробуждает своих подруг от сладкого сна, причитывая:

«Любезныя мои подруженьки,
Вставайте сизыя голубушки,
Спалась ли вам темна ноченька
У моего батюшки?
А мне горькой мало спалось,
Да много бредилось.
Приснился мне сон престрашный:
Будто моего батюшку обидели,
А матушку ограбили,
Меня горькую в полон взяли;
Мою косу русую
Молнией сожгло,
Буйнью головушку
Громом расшибло».

Если есть у невесты брат, то она будит его:

«Вставай ты, мой братец!
На дворе-то свет белешенек,
Заря белая занимается,
Мои недруги в путь собираются,
Ненавистнички снаряжаются.
Хотят меня горькую
Разлучить с вами.
Ты ступай-ка милый братец,
В зелену рощу.
Ты возьми-ка востер топор,
Сруби белую березыньку,
Завали-капуть — дороженьку,
Чтобы мои недруги
Не прошли, не проехали».

Если невеста сирота, то она, по пробуждении подруг, отправляется на сельское кладбище к могилам родителей и плачет:

«Родимый мой, батюшка (матушка)!
Чует ли твое сердечушко,
Чует ли твое ретивое
Во сырой земле?
Не плачут ли твои очи ясныя
Во сырой земле?»

Будучи не в состоянии своими силами пробудить спящих родителей, она обращается за помощью к ветру, дождю и другим стихиям природы:

«Повеите ветры
Со чиста поля,
Надуйте, навеите,
Ветры буйные
Тучу грозную.
Стань ты, тученька,
Над батюшкиною могилкой.
Поди из той тучи,
Силен дождь.
Размочи ты, дождь,
Мать-сыру землю,
Упади из той тучи
Бел-горюч камень.
Расшиби-ка ты батюшкину гробницу.
Повеите, ветры буйные,
Со чиста поля,
Свейте вы с батюшки крышечку.
Раскинь-ка ты, батюшка,
Свои белы крылушки;
Раскрой-ка, батюшка,
Свои очи ясныя!
Прилети-ка ты, батюшка,
На сое широкое подворище;
Взойди-ка, батюшка,
В свою светлу горенку,
Сядь-ка ты, батюшка,
Под переднее окошечко.

Послушай-ка, мой батюшка,
Жалкую песенку:
Как твоя сирота горькая,
Сокручается (снаряжается).
Сокрутушки мои горькия,
Снарядушки — слезовыя.
Не батюшка меня сокручает,
Сокручают меня добрые люди».

В доме жениха накануне свадьбы пекут так называемый «сыр-каравай». На печение этого хлеба обращается большое внимание. Сажать его в печь приглашают лиц, совершенно сторонних, мужа с женою, отличающихся хорошою жизнью и любовью друг к другу. Для большей аккуратности и чистоты под тесто подстиляется лист чистой бумаги, а на краях лопаты зажигаются свечи. Пред посадкою муж и жена целуются друг с другом и потом оба, взявшись за рукоятку лопатки, сажают коровай в печь.

По окончании этого церемониального печения хлеба родители жениха приглашают «сажающих» за стол и предлагают им угощение.

Часа за два до венчания начинается одевание невесты к венцу, сопровождаемое песнями. По окончании одевания невеста начинает прощаться с подругами. Грустное чувство невесты при расставании с подругами выражается в песне:

«Покрасуйте мои подруженьки
У кормильца своего батюшки,
У родимой матушки.
А я горькая открасовалась:
Отошли мои дни гулливые,
Прокладливые:
Подойдут ко мне горькой
Дни учетные,
Часы урошливые».

Когда покажется поезд от жениха во главе с дружкой, невесту сажают в передний угол, покрыв ее шалью. Рядом с невестою сажают какого-нибудь мальчика, которому дают в руки скалку. Дружка входит в избу, держа в одной руке четверть водки, а в другой кнут. Поставив четверть на скамью, он направляется к невесте, но мальчик, сидящий с невестою, останавливает его, грозясь на него скалкою. Тот в недоумении отступает, спрашивая, по

какой причине его не допускают к невесте. Мальчик объявляет ему, чтобы он заплатил ему за место. Дружка вынимает деньги (несколько копеек) и дает их мальчику, который после этого уже уступает место купившему. Затем начинается угощение дружкой родителей невесты и родственников ее, находящихся в избе. После этого едут в церковь.

(Так отправляются свадьбы в с. Крюковке, Чембарск. у.)

Сборник Пензенского губернского статистического комитета / под редакцией секретаря В. П. Попова. - Пенза: 1893-1905.